

Трипольская археологическая экспедиция в 1938 г.

В 1938 г. Трипольская археологическая экспедиция продолжала стационарные раскопки родового поселения Трипольской культуры, находящегося в урочище Коломийщина, близ с. Халепье, Обуховского района, Киевской области¹. Систематические вскрытия большими площадями на территории поселения определили в предыдущие годы (1934—1937), впервые для истории родового общества Восточной Европы, его границы (170 м × 160 м), выявили план расположения на нем по кругу глинобитных жилых построек, их размер и т. п.² К концу 1937 г. здесь было исследовано 24 жилища (так наз. «площадки»), 21 из которых (№ 3—23) оказались расположенными на поселении по определенной системе по кругу и были ориентированы по радиусам к центру. Остальные три жилища (№ 1, 2 и 26) открыты были внутри круга.

В текущем году перед экспедицией встали следующие задания: 1) продолжить раскопки нескольких жилищ, ранее обнаруженных на поселении в процессе разведки (№ 24, 25 и др.); 2) изучить центр поселения и установить характер, какой имела эта часть в древности; 3) обследовать периферию, за границей круга жилищ, в поисках ограды или, возможно, нового ряда построек³ (см. схематический план раскопок).

Жилище № 24, открытое в южной части поселения, оказалось прямоугольной, больших размеров постройкой (17 м × 6,50 м), ориентированной с юга на север. В нем обнаружены остатки четырех печей и трех поперечных перегородок, разделявших постройку на несколько хозяйственных ячеек. Основание—«фундамент»—в жилище № 24 было сделано из деревянного настила с наложенными поверх «вальками» из глины (обожжены на месте). На них укладывались плитки глиняного пола, затем сооружались «под» печи и печь. Все эти материалы раскопок 1938 г. в значительной степени подтвердили многие ранее сделанные на поселении Коломийщина наблюдения над конструкцией трипольского дома, дополнив их вместе с тем и новыми данными. Так, особого интереса заслуживает открытие в жилище № 24 нижних частей обугленных деревянных (дуб) столбов. Они были размещены внутри постройки попарно в местах поперечных перегородок. Открытие пяти столбов впервые дает возможность реконструировать трипольское жилище и подойти к разрешению спорного вопроса о характере, очевидно, двускатном, его крыши. Среди других интересных находок в жилище № 24 был открыт больших размеров сосуд с округлым телом, несколькими «ручками-ушками» и углубленным орнаментом. Система орнаментации, делящая сосуд на метопообразные поля, выделяет его среди известных орнаментальных систем керамики «Триполья» и сближает с сосудами более поздними, эпохи бронзы. Особого внимания заслуживает обнаруженный под полом и «вальковым» настилом в жилище № 24 больших размеров горшок с поверхностью, покрытой следами «полосчатого сглаживания». Он оказался наполненным костями животных и створок раковины *Ulio* и был поставлен здесь, вероятно, по древнему обычаю, при начале постройки, с остатками жертвенных животных.

В раскопанном в 1938 г. жилище № 25 удалось полностью изучить конструктивные приемы постройки, состоявшей из двух частей—центральной, в которой было две ячейки, соответственно двум открытым здесь печам, и входной части, обращенной, как

¹ Работы Трипольской экспедиции были организованы Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии наук СССР совместно с Институтом археологии Академии наук УССР и проводились под моим руководством.

² См. Т. С. Пасек—Новые исследования в области Трипольской культуры, СА, Л., 1937, Академия наук СССР, вып. III, стр. 223; е е же—Исследование Трипольской культуры в УССР за 20 лет, ВДИ, 1938, № 1 (2), стр. 261.

³ В 1938 г. раскопки жилищ № 24 и 25 проведены под наблюдением Е. Ю. Кричевского, жилища № 27—М. Л. Макаревича, жилища № 17—В. П. Петрова.

это неоднократно наблюдалось, к центру поселения. Внутри постройки, как и в жилище № 24, открыты остатки нижних частей четырех обугленных деревянных столбов. Среди многочисленных находок сосудов, каменных зернотерок, орудий из кремня, костей животных должна быть отмечена обнаруженная в жилище № 25 больших размеров мотыга из гнейса.

Наряду с этими двумя жилищами на поселении в 1938 г. были изучены еще несколько новых «площадок», располагавшихся по кругу, как и ранее открытые. Так,

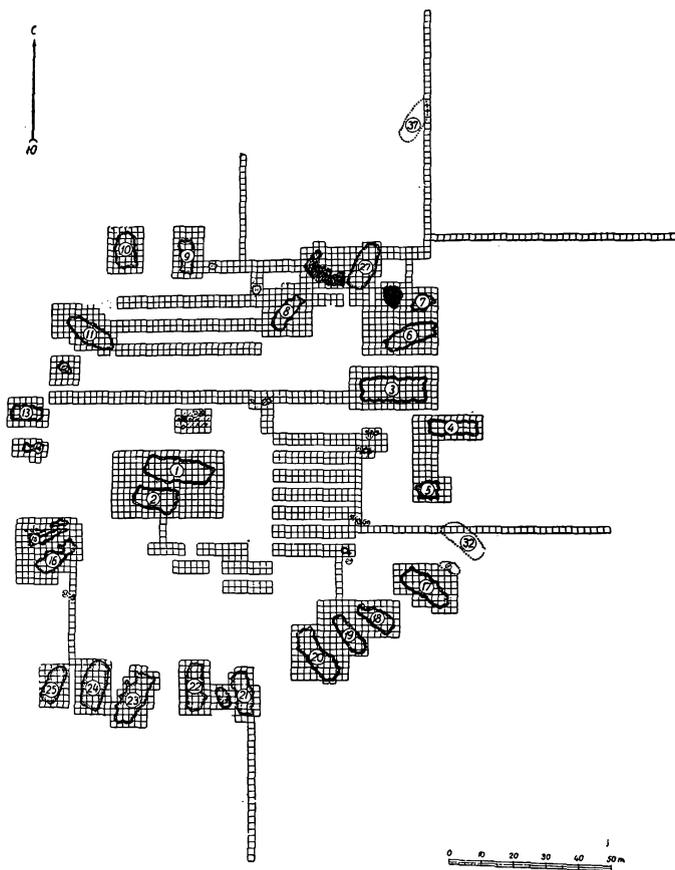

Рис. 1. Уроч. Коломийщина. Схематический план поселения (раскопки 1934—1938 гг.). Обозначения сплошной линией—раскопанные жилища, точками—«рянушечные кучи», пунктиром—нераскопанные еще жилища

в северо-восточной части поселения, на участке между двумя раскопанными «ракушечными кучами», изучено больших размеров жилище № 27. В нем хорошо прослежены наслоения пола, «пода» печи и возвышения около нее. Из интересных находок следует указать на нижнюю часть глиняной статуэтки больших размеров, которая в целом виде была не менее 0,30—0,40 м высотой; она вылеплена из плотной массы, и поверхности ее покрыты красной красочной облицовкой и черной росписью.

Новые материалы были добыты в 1938 г. при изучении западной ячейки жилища № 17, где размещалась большая печь. Весьма любопытной особенностью этой печи явились, с одной стороны, подпечное углубление (до 0,5 м), с другой—первые

найденная среди шлакованной обмазки «верхушка-головка» печи (0,23 м в диаметре), округлой формы, со следами лозового каркаса. Эта «верхушка» в точности передает то округлое окончание, которое имеется и на печах древних моделей трипольского жилища из Сушковки, Попудни. Здесь же были сделаны интересные наблюдения над приемами постройки стен и свода печи (из деревянных плах, лозы, обмазанных глиной) со следами покраски снаружи красной краской.

Ряд новых жилищ был открыт в 1938 г. на участках, оставшихся еще не раскопанными, между отдельными «площадками». В изученных жилищах № 28, 34, 38, 39 глиняная «площадка», состоящая обычно из нескольких намазанных слоев обожженного на месте пола, занимает чрезвычайно небольшое пространство, часто всего 1 м × 1 м. Около такой «площадки», являющейся возвышенным местом, очевидно, близ печи, при раскопках наблюдалось сильное скопление остатков костей животных, фрагментов керамики и целых сосудов, зернотерочных камней, в небольшом количестве сильно ошлакованной обмазки печи. Следует предполагать, что в такого типа малых постройках, наряду с небольшим участком, занятым глиняным наслоением, существовал земляной пол.

Такие же небольших размеров пять «площадок» были обнаружены в 1938 г. при раскопках в центре поселения, где вскрыто пространство свыше 2 500 кв. м. Культурный слой за границами жилищ, как и обычно на этом поселении, состоит из чрезвычайно бедных вкраплением культурных остатков в современном черноземном слое. Он всегда сильно нарушен следами кротовин, прорезывающих его по всей глубине и ниже в лессе до 2—2,5 м, в которых постоянно находятся фрагменты трипольской обмазки и керамики. Пространство же, окружающее небольших размеров «площадки», всегда отличается значительным скоплением костей животных, фрагментов сосудов. В таких малых жилищах лишь небольшое пространство имело глиняный пол, около которого, вероятно, помещалась печь, в остальной же части пол был земляным. В каждом из них открыто по 3—5 сосудов разнообразного назначения, по несколько нижних зернотерочных камней и верхних растиральных, фрагменты статуэток, орудия из кремня, обломки костей животных. В жилищах № 35 и 36 обнаружены кремневые нуклеусы с отбитыми с одной стороны пластинками, другая—служила отбойником. Таким образом, в 1938 г. была широко изучена центральная часть на поселении (первоначально предполагалось, что она оставалась незастроенной) и открыто пять новых жилых или хозяйственного назначения построек.

Чрезвычайно интересным является наблюдение, что они по своему расположению; вместе с открытыми здесь ранее «площадками» № 1, 2 и 26 (раскопки 1934 и 1937 гг.), образуют второй внутренний круг, состоящий, как сейчас известно, из восьми построек.

В 1938 г. было проведено исследование и за границами внешнего круга на периферии с северной, южной и восточной стороны поселения. Начиная с 20—30 м, считая от крайней постройки,—наблюдалось заметное падение насыщенности культурного слоя и к 60—80 м—полное его исчезновение. Эти раскопки не дали никаких следов жилищ или ограды, окружавшей поселение, кроме северной стороны, где на расстоянии 38 м от жилища № 27 открыта больших размеров «площадка» № 37. Она заметно выступает из ряда внешнего круга построек. Учитывая древний рельеф местности, прослеженный здесь, и наличие вблизи от него в древности глубокого оврага, жилище № 37 принадлежало, несомненно, к этому же поселку, хотя и выступало несколько из системы круга. Раскопок здесь (так же, как и жилищ № 31 и 32) проведено не было. В связи с местоположением жилища № 37 встает предположение о наличии на поселении еще одного, третьего круга построек, однако пока никакого окончательного заключения по этому поводу сделать невозможно.

Таким образом, раскопки 1938 г. значительно расширили представление о трипольском родовом поселении и установили со всей четкостью систему расположения

на нем жилищ двумя концентрическими кругами, что создавало определенную замкнутость и укрепленность этого пункта (31 жилище составляло внешний круг, 8—внутренний). В центре поселения, в середине внутреннего круга (диаметр до 60 м) оставалось, вероятно, незастроенное пространство и служило местом для загона скота; возможно также, что на части территории в центре совершали различные обряды и празднества. Вскрытый на Коломыйщине родовой поселок состоял из нескольких десятков жилых построек, больших и средних, главным образом, многоочажных домохозяйств, в каждом из которых могло разместиться несколько парных семейств и вести общее хозяйство.

В ближайшие годы Трипольская экспедиция, наряду с продолжением исследования на Коломыйщине, предполагает поставить большие раскопки на других поселениях, хронологически разновременных, и тем самым советские археологи подойдут к разрешению важного вопроса о происхождении и развитии в период родового общества (III—II тысячелетия до н. э.) древнейшей земледельческой («Трипольской») культуры на территории СССР.

Т. Пассек

Археологические раскопки близ Никополя

Никополь, один из оживленнейших городов Днепропетровщины, лежит в очень богатой археологическими памятниками местности. Его окрестностям наши музеи обязаны рядом своих известнейших коллекций из скифских, так наз. «царских» курганов: отсюда происходят такие пользующиеся мировой известностью предметы, как серебряная ваза Чертомлыцкого кургана, золотой гребень из кургана Солоки близ Знаменки на Днестре и тысячи других предметов ювелирного искусства, вышедших частью из рук греческих мастеров, частью сделанных, повидимому, на месте в степях. Все эти вещи являются истинным украшением советских музеев, особенно Гос. Эрмитажа в Ленинграде.

Невозможно отрицать громадное историческое значение только что упомянутых археологических памятников. Но все-таки восстановление только на их основании истории нижнеднепровской Скифии IV—III вв. до н. э., к которым в своей основной массе относятся «царские» курганы, было бы неполным и односторонним. До сих пор из Нижнего Приднепровья были известны только единицы памятников рядового характера; это касается и погребений и городищ.

После Октябрьской революции советская археология сделала огромные шаги вперед, по тому же пути пошло и исследование Скифии. Однако только сравнительно недавно были затронуты скифские памятники Днепропетровщины и дали первые ощутительные результаты. Уже раскопки при сооружении Днепрогэса принесли ряд памятников рядового характера, относящихся к скифской эпохе.

По этому же пути пошел и Никопольский краеведческий музей имени М. В. Ломоносова, организовавший только лет десять тому назад и ставший в ряду лучших районных музеев. В течение последних лет он сумел организовать и провести в жизнь систематические раскопки археологических памятников в районе. Почти целиком на почве этих раскопок он создал археологический отдел, мало чем уступающий иным археологическим собраниям областных музеев, если не по количеству, то по качеству. Все его собрания—результат систематической научной работы; случайные находки и приобретения составляют незначительное дополнение к основному фонду.

Раскопки сначала велись покойным сотрудником музея, тов. Кирановым, с осени 1935 г. и в 1936 г.—Л. Д. Дмитровым, сотрудником Института археологии Украинской Академии наук, в 1937 и 1938 гг. были поручены музею мне. Насколько известно, Киевский институт предпринимает вскоре отчетное издание по этим раскопкам. Работа